

ВСТРЕЧА НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ

“ОДИН ДЕНЬ” И ТРИ ГОДА

В НАШУ ЖИЗНЬ ПОСТЕПЕННО НАЧИНАЮТ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. СОЛЖЕНИЦЫНА. С ИХ ПУБЛИКАЦИЯМИ ВЫСТУПИЛ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «ОГОНЕК», НА ОЧЕРЕДИ — ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

«АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ», ПОДГОТОВЛЕННЫЕ К ПЕЧАТИ. ОДНОВРЕМЕННО ИДУТ И ПЕРЕМНЫ В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ К ЛИЧНОСТИ И СУДЬБЕ СОЛЖЕНИЦЫНА. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТОМУ — ПРОЗВУЧАВШИЙ С ТРИБУНЫ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР ПРИЗЫВ ПУБЛИЦИСТА Ю. КАРЯКИНА ВОССТАНОВИТЬ ПИСАТЕЛЯ В ПРАВАХ ГРАЖДАНИНА СССР. В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ» ВЫХОДИТ КНИГА ВЛАДИМИРА ЛАКШИНА «ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ», ОТКРЫВАЮЩАЯ — В ПОЛНОМ СООТВЕТСТВИИ С ЕЕ НАЗВАНИЕМ — ДВЕРЬ В НЕДАВНЕЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОШЛОЕ. ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЭТОЙ КНИГИ — ИЗ ЕЕ ГЛАВЫ «ОДИН ДЕНЬ...» И ТРИ ГОДА, ГДЕ РЕЧЬ ИДЕТ О ПОЯВЛЕНИИ В ЛИТЕРАТУРЕ ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА СОЛЖЕНИЦЫНА.

А. И. Солженицын у гроба А. Т. Твардовского.

голубенькие книжки журнала. Отзывы, впрочем, были пестры. В перерыве к Твардовскому подошел один из секретарей обкома, сибиряк: «У меня в области таких «хозяйств», как тут описано, сколько хочешь было. И что особенного? Зачем о них писать?»

Одна за другой появлялись статьи в газетах — в «Известиях» К. Симонова, в «Литературной газете» Г. Бакланова. Все дружно хвалили повесть, удивлялись таланту нового автора. В. Ерилов в «Правде», уравновесив отзыв о Солженицыне похвалами Вадиму Кожевникову за повесть «Знакомьтесь, Балубев!», заявлял тем не менее, что талант нового писателя «толстовской силы». Твардовский внимательно следил за всем, что пишется о Солженицыне, и ревниво комментировал, чуть отмечая всякий оттенок фальши. По поводу рецензии в газете «Литература и жизнь», не пользовавшейся доброй репутацией, сказал: «Эта задыхающаяся газетка поместила рецензию Дымшица, написанную будто нарочно так, чтобы отвадить от повести. Ни одной яркой цитаты, ни напоминания о какой-либо сцене... Сравняет с «Мертвым домом» Достоевского, и то невольно. Ведь у Достоевского все наоборот: там интеллигент-каторжанин смотрит на жизнь простого острогожного люда, а здесь все — глазами Ивана Денисовича, простого крестьянина, который по-своему и интеллигента видит... И заметьте, как точно Солженицын написал: ведь 37-й год — это расплата за экспроприацию крестьянства в 30-м... Вот мой отец — какой он кулак? Разве что дом-пятистенка...»

В дни, когда вышел номер, Солженицын появился в Москве. Приехал он из Рязани не с пустыми руками — привез два новых рассказа и пьесу. Когда был у Твардовского дома, принесли как раз свежую газету со статьей Симонова о нем. Он глянул мельком и сказал: «Ну, это я потом прочту, давайте лучше поговорим». А. Т. удивился: «Но как же? Это же впервые о вас пишут в газете, а вас вроде бы и не интересуют?» (Твардовский заподозрил здесь некоторое кокетство.) «Нет, — отвечал Солженицын, — обо мне и раньше писали... В рязанской газете, когда я завоевал первенство по легкой атлетике».

Пьесу Солженицына Твардовский не одобрил.

Рассказы же, привезенные Солженицыным, были каждый по-своему замечательны и, что самое важное, подтверждали не случайную удачу повести. «Не стоит село без праведника» (по совету Твардовского получивший название «Матренин двор») и рассказ «Случай на станции Кречетовка» обсуждались в редакции в конце ноября 1962 года, уже после того, как Твардовский провел над ними свою домашнюю редактуру. Передавая мне рукопись и суля удовольствие от чтения, Твардовский сказал: «Посмотрите внимательно перед обсуждением. Но, впрочем, вам остались мелкие камушки, булыжники я оттуда уже выкидывал». Это не было редакторской самовольной придирчивостью, но желанием, чтобы после триумфа «Ивана Денисовича» новый автор даже самой малой небрежностью не уронил себя, вышел в полном блеске своего дара.

На обсуждении рассказов в редакции все, сколько помнится, помимо яркого художественного письма, отмечали с радостью то обстоятельство, что Солженицын показал свою силу реалиста-художника и за пределами «лагерной темы», в которой, как казалось некоторым, замкнут его талант. Литературно неискушенным людям «Иван Денисович» представлялся чем-то вроде документа или очерка с натуры: героя путали с автором. Рассказами Солженицын подтверждал свою репутацию сильного самобытного художника. На обсуждении критиковали лишь один сюжетный поворот, казавшийся искусственным, в рассказе «Случай на станции Кречетовка» (герой забыл будто бы, что Царицын переименован в Сталинград, и тем погубил себя).

Рассказы Солженицына появились в январском номере «Нового мира» за 1963 год. Но еще прежде в общественно-литературной жизни произошли события, которые предвещали перемены, и отнюдь не в добрую сторону.

В начале декабря 1962 года Н. С. Хрущев неожиданно посетил выставку в Манеже. Подстрекаемый В. А. Серовым и другими руководителями Союза художников, он набросился на абстракционистов и «прочих формалистов» как на опасность, грозившую

всему советскому искусству. Началась кампания в газетах. С живописи и скульптуры быстро перекинулись на литературу, обнаружив изъяны и в ней. 17 декабря 1962 года состоялась первая встреча Хрущева с деятелями культуры, писателями на Воробьевых горах. Этим было положено начало череде «исторических встреч», как будто не было у Советского правительства больших забот, чем приструнить творческую интеллигенцию. Началось с абстракционистов и «проблемы Манежа», но круг критикуемых быстро расширялся: подверглись разному молодые поэты Вознесенский и Евтушенко, досталось и И. Эренбургу за его мемуары, и В. Некрасову за путевые очерки, печатавшиеся в «Новом мире». В газетах появились статьи и «письма земляков», бранивших поэтическую «Вологодскую свадьбу» А. Яшина.

«Начали с абстракционизма, но кажется, имеют-то в виду реализм», — пронизательно комментировал Твардовский. Впрочем, вне всякой логики, солженицынская повесть находилась некоторое время вне критики, как получившая высочайшее одобрение. На встрече 17 декабря в Доме приемов Хрущев поднял Солженицына из-за стола и под бурные аплодисменты представил его собравшимся. М. А. Сулов, подойдя, долго тряс его руку. На встрече в Кремле 7—8 марта 1963 года Хрущев снова поминал «Ивана Денисовича» как вещь, написанную «партийных позиций».

«Матренин двор» был беззащитнее — его стали пощипывать за очернительство — А. Сурков в «Литературной газете», В. Полторацкий в «Известиях». Постепенно стали подбираться и к критике «Ивана Денисовича» — критике лицемерной, с оговорками и вздохами, но по шажку подходившей к тому, чтобы перечеркнуть повесть. Ивана Денисовича упрекали в том, что он «не герой», не борется в лагере (как будто там можно было бороться!), что картина нарисована односторонне и т.п. Мы понимали, что каждый новый выпад против повести означал еще одно: ослабление позиций Хрущева в борьбе со сталинистами, опасные уступки его самого и его окружения. Затаившаяся, но еще сильная аппаратная бюрократия со сталинистской крепостнической психологией жаждала реванша. «Новый мир», напечатавший повесть Солженицына, был точкой приложения сил, удобным полем борьбы, на котором получали проверку отнюдь не одни лишь литературные амбиции.

Внимательно следя за тем, как разворачивается эта борьба, я решил, не советуясь в редакции, на свой страх и риск написать статью о повести Солженицына и ее критиках.

Она получила название «Иван Денисович, его друзья и недруги», появилась в январской книжке «Нового мира» за 1964-й, наделала много шума и принесла немало неприятностей автору. С малоизвестным молодым критиком удобнее было сражаться, чем с писателем, поддерживаемым самим Хрущевым, и на какое-то время повесть вышла из-под удара. «Недруги» Ивана Денисовича оттачивали свои желчные перья на статье о нем. В Союзе писателей бушевали собрания, отчеты о которых помещала «Литгазета». Особенно негодовали на то, что я будто бы обозначил творчество Солженицына как магистральный путь развития советской литературы, а все общество или во всяком случае литературную общественность разделил на «друзей» и «недрузей» Ивана Денисовича. «Вот что вы наделали, все спешат записаться в «друзья» к Солженицыну», — смеялся Твардовский.

Публикация статьи о повести Солженицына «Новым миром» имела в те дни и еще один прицел. Повесть была выдвинута редколлегией на Ленинскую премию, и успех этого дела зависел, в частности, от того, как пойдет общественное обсуждение. Выдвижение повести редакцией официально поддержала лишь одна организация — ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства. Это выглядело символически: где-где, а уж в архиве знают цену большому писателю, тому, что остается для будущего.

Присуждение премий ожидалось в апреле 1964 года, и борьба вокруг выдвинутых кандидатур была тем более острой, что Солженицыну, кажется, не находилось в списке достойных конкурентов. Шансы его были реальны, и Твардовский связывал с этим большие надежды — и в отношении укрепления позиции журнала, и в смысле публикации новых, более крупных работ Солженицына — романов «В круге первом» и «Раковый корпус», с которыми автор начинал нас знакомить. Получи тогда Солженицын премию, говорил не раз впоследствии Твардовский, и, возможно, вся судьба его сложилась бы иначе...